ИЮЛЬ—АВГУСТ 1939 Г. Цена 10 сентов

PROBUZHDENIE

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

Последнее прости — ПЕРЕДОВАЯ
Ко всем группам и отдельным товарищам
Решения Об'единенного С'езда Федераций от 2 июля 1939 г.
Эмма Гольдман — Л. ЛИПОТКИН
О режиме собственноости после революции Э. МАЛАТЕСТА
Анархизм и Кооперация — В.Х.
История одной общины — А. БУТКОВ
Трагедия женской эмансипации — Э. ГОЛЬДМАН
На распутьи (статья вторая) — Ф. ЧЕРНОВЕЦ
Письма с Кубы Е. З. Долинина-Моравского (1924 г.).
Дело Маркуса Грагама (английское письмо).

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:
PROBUZHDENIE
c/o International Co-operative 9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 96—97. ИЮЛЬ—АВГУСТ 1939 Г.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

Согласно с решением групп, союзов и отдельных товарищей, выраженным на с'езде федераций «Пробуждение» и «Дело Труда» 2-го июля 1939 года в Нью Иорке, выпускаемый номер нашего журнала является последним ввиду об'единения обеих федераций в одну и издания ею общего журнала под названием «Дело Труда-Пробуждение».

Журнал «Пробуждение», появившийся в свет в апреле месяце 1927 года, в качестве ежемесячного органа свободной мысли, прекращает свою жизнь после 12-летнего существования. В тяжелых условиях американского издательства это — продолжительный срок жизни и жертвенного служения делу рабочего просвещения и освобождения.

С нашими ограниченными культурными и материальными средствами было сделано все, что в силах для осуществления наших скромных задач и целей. Мы не сделали большего не потому, что не хотели, а потому, что не могли. Пусть упрекающие нас покажут, что они сделают то, чего мы не могли сделать...

Расставаясь с нашими товарищами, друзьями и читателями, федерация «Пробуждение» не может не выразить своей товарищеской признательности и благодарности нашим главным работникам и сотрудникам, немало и бескорыстно потрудившимся для дела издания журнала: М. Неттлау, Жан Граву, А. Горелику. Ю Карпику, Л. Лазареву, М. Суку, Б. Гершенфельду, Г. Кузьменко, М. Юдину, И. Черному, Минскому Мужику и многим другим нашим сотрудникам и друзьям.

Особая благодарность Международному Кооперативному Обществу гор. Детройта, бесплатно предоставившему помещение под редакцию журнала, и оказавшему значительную материальную поддержку его изданию.

Искренняя благодарность всем нашим товарищам и читателям, прямо или косвенно помогавшим выпуску журнала.

Ввиду того, что по изданию журнала имеется дефицит, мы убедительно просим всех товарищей не задерживать денег за проданные номера журнала и прислать их поскорее на покрытие дефицита. Оставшаяся от этого сумма будет передана Об'единенной Федерации.

КО ВСЕМ ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ

Уважаемые товарищи!

После переговоров, продолжавшихся более трех лет, на состоявшемся 2 июля, в Нью Иорке С'езде достигнуто об'единение двух федераций, «Дело Труда» и «Пробуждение». Наши силы будут теперь об'единены в одну федерацию с одним печатным органом, под названием «Дело Труда-Пробуждение». Принимая акт об'единения, как толчек к дальнейшему продвижению нашей организационной деятельности, мы этим письмом желаем напомнить Вам, товарищи, что об'единившись, мы взяли на себя ответственность перед движением большого исторического значения. Ответственность эта заключается не только в том, что мы, как анархисты, ответственны перед мировым анархическим движением за все наши организационные проявления, но и еще и в том, что мы являемся русскими анархистами и представляем собою частицу ста семидесятимиллионного русского народа, оказавшегося под каблуком коммунистического жандарма.

Трудовой народ России, в анархическом порыве, в 1917 году порвал цепи царско-помещичьего рабства. Эхо этого революционного взрыва разнеслось по всему миру, оглушив на некоторое время работодателей некоторых стран и придав смелость мировому пролетариату, двинувшемуся, казалось в решительную атаку на твердыни капитализма. Но контреволюционные силы государственного социализма в лице большевиков, под предлогом содействия восставшему русскому трудовому народу наложили на него новые цепи рабства. Коммунистический хам, не принеся никаких жертв на алтарь революции, восторжествовал над пролившим море крови русским народом и теперь безнаказанно упивается плодами революции. Этим самым было нанесено поражение трудящимся всего мира, смотревшим на русскую революцию, как на очаг мирового пожара, могущего снести с лица земли черные эксплоататорские силы капитализма. Отняв от рабочих и крестьян революционные завоевания, этим самым партия большевиков разгромила анархическое движение.

Все это подсказывает нам, русским анархистам, живущим в Америке, сохранившим в себе революционные традиции анархизма, и спасшие от окончательного распада движение, что мы самым историческим ходом событий поставлены перед великой задачей продолжения революционной анархической деятельности, чтобы в нужный момент оказать помощь русским рабочим и крестьянам в их стремлении освободиться от большевицкого ига. К этому следует добавить, что достигнув об'единения, мы увеличили наши ряды, что дает нам больше энергии, больше энтузиазма, и, будем надеяться, побудит нас к большей активности, чтобы развивать и укреплять наши ряды. Развивать и укреплять ряды русского анархического движения нужно еще и потому, что оно имеет глубокие корни в прошлом и что оно служило и продолжает служить примером для анархистов других стран и национальностей.

Из всего вышесказанного вытекает потребность поставить деятельность наших об'единенных сил на прочную практическую организационную базу. Говоря конкретно, нам нужно усилить нашу организационную и пропагандистскую деятельность в трех основных пунктах:

1). Нужно иметь в виду, товарищи, что от степени развития нашей деятельности зависит рост наших рядов. Если организационная деятельность групп на местах будет протекать желательным темпом, то ряды количественно будут расти и укрепляться, и, наоборот, если деятельность групп будет падать, то неизбежно будет приостанавливаться рост наших рядов. Необходимо, поэтому, чтобы товарищи на местах старались там, где можно, создавать новые группы и укреплять существующие.

2). На ряду создания новых и укрепления старых групп, нужно работать в массовых, как например, в обществах взаимопомощи и в профессиональных союзах. Ибо только работая в массовых организациях,

Приобретая симпатию и доверие членов обеих организаций, мы сможем увеличивать наши ряды количественно.

3). Увеличивать количественно ряды федерации и работать активно в массовых организациях, это значит, создавать почву для распространения журнала. Согласно решению С'езда выйдет еще один номер «Пробуждение», один или два номера «Дело Труда», после чего будет приступлено к изданию одного органа. Следовательно, нужно пока распространить последние номера обоих журналов, чтобы таким образом оповестить всех членов обоих федераций и симпатизирующих о происшедшем об'единении и о предстоящем выпуске одного органа. До выпуска одного органа нужно создать денежный фонд, чтобы регулярное издание органа было обеспечено. Если мы могли издавать с перебоями два органа, то один мы сможем издавать регулярно, если усилим сбор средств.

С товарищеским приветом,

Секретарь А. Свободин.

Казначей Д. Г.

РЕШЕНИЯ ОБ'ЕДИНЕННОГО С'ЕЗДА ДВУХ ФЕДЕРАЦИЙ ОТ 2 ИЮЛЯ 1939 Г.

На С'езде присутствовало 16 делегатов и 20 отдельных товарищей. После выбора председателя и двух секретарей приступлено к обсуждению вопросов порядка дня.

1) Член Комиссии по созыву С'езда кратко излагает процесс переговоров по об'единению, который начался еще в 1935 году. Указав, что состоялось три общих конференции, приведших обе стороны к сближению, докладчик напоминает, что от исхода данного С.езда значительно зависит судьба русского анархического движения в Америке.

2) **Чтение корреспонденций.**

Кливланд. Группа «Дело Труда» гор. Кливленда стоит за слияние двух федераций и за издание одного органа. В редакторы рекомендует т. Максимова. Предлагает название одного органа «Волна». Место издания Нью Иорк. После слияния двух федераций предлагает приступить к изданию ежедневной газеты.

Монтреал. Союз Росс. Тружеников г Монтреаля за слияние двух федераций и за издание одного органа. Для органа предлагает три названия: Волна, Вперед, Хлеб и Воля. В редакторы рекомендует т. Максимова. Желает, чтобы сотрудниками были только анархисты. Орган должен быть чисто анархическим.

Эмбридж, Пен. Тов. М—ц приветствует С'езд, высказывается за издание одного органа, в редакторы рекомендует Максимова, в сотрудники анархистов.

Балтимор. Тов. С—ко предлагает достичь об'единения во что бы то ни стало и приступить к изданию одного органа. Вместо редактора предлагает Редакционную Коллегию из людей, которые состоят в организациях не с целью личных выгод, а по идейным соображениям. Рекомендует назвать орган «Хлеб и Воля».

Юнгставн. Группа «Дело Труда». Выражает желание о слиянии двух федераций и издании одного органа. Название органа предлагает «Хлеб и Воля». В редакторы предлагает т. Максимова, в сотрудники Волина, Неттлау, Автономова, Липоткина и Рокера. Издавать орган там, где удобнее.

Савт Ривер. Тов. Ч—ц. Рекомендует об'единить все прогрессивные организации и приобрести типографию «Рассвета».

Шенандог, Пен. Тов. Я—к от имени группы «Д.Т.» приветствует С'езд и рекомендует приложить все усилия, чтобы достичь об'единения и издавать один орган.

Ниагара фолс. Тов. М—ко настоятельно рекомендует достичь об'единения, чтобы издавать один орган. Предлагает собирать средства на орган путем распространения подписки и сбора добровольных пожертвований. За кооперирование с РООВА. Предлагает издавать двухнедельный или ежемесячный анархический журнал.

Ватербури. Тов. А—к поздравляет с'езд, желает достижения об'единения и выражает сожаление, что не может присутствовать

на С'езде.

Нью Кестл, Пен. Тов. О—к от имени группы «Пробуждение» настоятельно рекомендует достичь об'единения двух федераций и издавать один орган. Для финансирования органа предлагает установить добровольный 25-центовые взносы. В редакторы рекомендует Максимова или Карпика.

Медисон, Иллиной. Группа «Д.Т.» за об'единение двух федераций и за издание одного органа, так как это, по мнению группы, даст возможность посылать чаще в раз'езд лектора и вести усиленную работу по устройству предприятий для нужд движения. Желает, чтобы журнал был строго анархическим. В редакторы рекомендует т. Максимова. Предлагает повысить розничную цену на журнал до 15 сентов. Стоит за перепзбрание старого секретаря федерации «Д. Труда». Предлагает, чтобы товарищи на местах взялись энергично за организационную работу.

Виндзор, Канада. Союз Самообразование: забыть всякие неприятные взаимоотношения и вести общими усилиями организационную работу на началах товарищеской солидарности. Союз распространяет оба журнала. Предлагает направление журнала анархо-коммунистическое, избрать в Редакционную Коллегию людей беспристрастных и заслуживающих доверия членов движения.

Монтевидео, Уругвай, Южная Америка. Группа «Дело Труда» выражает удовлетворение тем, что созывается последний с'езд по об'единению, ибо она считает, что с этим вопросом нужно было давно покончить. Группа уверена, что с ростом анархического движения начнут разлагаться фашистское и большевистское движения. Группа считает, что для роста анархического движения не хватает организованности, сплоченности, солидарности и ответственности каждого анархиста перед движением. Журнал должен быть направления анархо-коммунистического, название органа: «Дело Труда». Редактором — Коллектив — Редакционная Коллегия. В заключение письма группа выражает пожелание об об'единении.

Доклады с мест.

Делегат Детройтской группы «Дело Труда» доложил, что группа стоит за об'единение и за издание одного солидного органа, что в группе 7 членов и что распространяется 75 экз. «Д.Т.».

Нью Иорк. В группе «Дело Труда» 12 членов, распространяется более ста номеров «Д.Т.». Организован 16 отдел РООВА, который совместно с 25 отделом ведет в колонии культурно просветительную работу.

Рочестер. Группы нет, но имеется несколько товарищей, симпатизирующих движению и готовых об'единиться в группу.

Акрон. Группа, по заявлению делегата, мало себя проявляет, но 42 Отдел РООВА проявляет интерес к движению, относится отзывчиво к изданию «Дело Труда» и распространяет журнал в количестве 25 экземпляров. Для журнала устраиваются предприятия.

Юнгставн. Количественно группа не большая. Распространяется 20 экз. «Д. Т.». Группа, говорит делегат, стоит за об'единение и за издание одного органа.

Детройт. В Профессиональном Союзе 13 членов, распространяется 100 экз. журнала «Пробуждение». Делегат призывает к об'единению и к усилению деятельности.

Бостон. Членов в группе «Дело Труда» 6, распространяются оба журнала. Группа стоит за об'единение и за издание одного органа.

Нью Иорк. Представитель 25 Отдела РООВА приветствует С'езд и докладывает, что члены отдела симпатизируют движению, что Отдел совместно с 16 Отделом ведет культурно-просветительную деятельность в русской колонии г. Нью Иорка.

Филадельфия. В группе «Дело Труда» 15 членов, распространяется 50 экз. «Д.Т.». Группа стоит за об'единение и за усиление деятельности в движении.

Филадельфия. Тов. П—кий докладывает, что распространяет 40 экз. «Пробуждения» и выражает желание, чтобы достичь об'единения двух федераций и издания одного органа.

Нью Гейвен. В группе 6 членов, группа кооперирует с группой итальянских анархистов в устройстве предприятии и митингов, распространяет «Дело Труда» и желает об'единения.

Нью Иорк. Делегат группы «Пробуждение» заявил, что в группе 11 членов, распространяется 50 экз. «Пробуждения», группа кооперировала с группой «Д.Т.» в издании трудов Н. Махно и в оказании помощи его дочери.

3-ий вопрос.

Так как на С'езде присутствовал товарищ Л—рев, из'явивший желание прочитать доклад о задачах русских анархистов в Америке, то С'езд счел нужным предоставить слово товарищу в третьем вопросе о слиянии двух федераций. Указав на отсутствие в рядах русских анархистов надлежащей спайки, товарищ считает единственным выходом из положения роспуск обеих федераций и создание одной, в прекращении издания обоих органов и в издании одного под названием «Хлеб и Воля» Выслушав и приняв к сведению доклад, заседание переходит к следующему вопросу.

4-й вопрос.

Руководствуясь тем, что в присланных письменных решениях и в устных докладах делегатов группы высказывались за слияние обеих федераций, С'езд решил считать этот вопрос в принципе решенным и принял предложение перейти к следующему вопросу.

5-й вопрос.

После краткого обмена мнений делегатов по вопросу издания одного органа решено прекратить дебаты и считать вопрос решенным в положительном смысле.

А) Вопрос о названии органа вызвал продолжительные дебаты. Каждая сторона, дорожа названием своего органа, желала сохранить таковое. Поэтому, чтобы удовлетворить обе стороны, решено сохранить оба названия и поставить заголовок: «Дело Труда—Пробуждение».

Б). О редакторе и сотрудниках. По этому вопросу принята следующая резолюция: С'езд считает, что редактором и сотрудниками анархо-коммунистического органа могут быть анархисты ничем не запятнавшие себя в прошлом и обладающие безупречностью настоящего, иначе говоря, ни в редакторы, ни в сотрудники не допускаются люди с антианархическими и антиреволюционными взглядами.

Для контроля идейного направления органа выбрана Редакционная Коллегия из следующих товарищей. Д—к, Г—ч, З—ра, С—кий, М—ка с правом кооптации. Секретарем выбран т. Свободин. Казначеем т. Г—ч.

В) направление органа должно быть анархо-коммунистическое.

Г). Для финансирования органа и для других нужд движения решено собирать годовую подписку в 1,80 ц. Кроме этого, решено рекомендовать товарищам на местах собирать добровольные ежемесячные членские взносы 50 или 25 ц. С'езд, так же, решил рекомендовать группам на местах и отдельным товарищам самостоятельно собирать подписку и пожертвования.

6-й вопрос.

Решено издавать орган в Нью Иорке. С'езд выразил пожелание, чтобы нью-иоркские товарищи позаботились о подыскании типографии.

7-й вопрос.

Наше отношение к обществам РООВА и РНзОВ положительное. Выслушав речи и предложения, С'езд признал что эти организации являются взаимопомощными беспартийными, доступ в которые открыт для людей всех политических взглядов и верований. Поэтому желательно, чтобы вступали в них товарищи, которые заинтересованы в этом и в состоянии это осуществить.

9-й вопрос.

Наше отношение к американскому анархическому движению положительное. Решено рекомендовать группам оказывать движению моральную и материальную помощь и содействовать созданию групп и кружков молодежи.

10 С'езд рекомендует создать Комитет Помощи Политическим Заключенным анархистам при федерации.

11. Разные.

В разном было обращено внимание на вопрос о том, на каких выпусках оба журнала прекратят свое существование и когда будет приступлено к выпуску одного органа. Представитель Редакционной Коллегии журнала «Пробуждение» заявил, что будет выпущен еще один июльский-августовский номер, после чего, если материал останется, то будет прислан в Редакционную Коллегию.

С другой стороны решено, чтобы после выхода бакунинского номера был выпущен еже один номер «Дело Труда», а потом приступить к изданию одного органа. А если по изданию того или иного органа окажется дефицит, то допустившая его сторона должна покрыть таковой самостоятельно и не навязывать это делать другой стороне.

Этим вопросы были исчерпаны и заседание закрылось в 10:15 вечера. Уезжая на места, делегаты обещали работать не покладая рук, чтобы все решения с успехом провести в жизнь.

Председатель С'езда Б—л.

Секретари И. Д., Д. Г.

ЭММА ГОЛЬДМАН

(К ЕЕ 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Есть люди, имена которых известны почти всему миру. Это не люди, которые, благодаря своим силам и способностям, выдвинулись на поприще научной, общественной, политической или революционной деятельноти. Но люди людям рознь. Есть герои, идеалисты и люди с твердым и решительным темпераментом, равно, как есть безыдейные, малодушные и слабохарактерные люди. Есть мужчины с женским характером, но есть и мужественные женщины. К числу последних несомненно принадлежит Эмма Гольдман.

Эмма Гольдман! Имя, которое в течение трех десятков лет наводило страх на американских капиталистов, властителей и защитников церковной морали! Имя, которое с любовью и уважением произносится всеми истинными борцами за свободу! Имя, которое внушает надежду на улучшение будущее человечества!

История освободительного движения разных стран знает много имен героев, идеалистов и революционеров, игравших ту или иную роль в борьбе человечества за свободу. Каждый народ в отдельности имеет своих великих борцов. Но число женщин, сумевших вырваться из рутины своей среды и стать борцами за высшие идеалы свободной жизни, сравнительно невелико. Луиза Мишель, Перовская, Спиридонова, Брешковская и Эмма Гольдман, — они редкие имена славных женщин, посвятивших свои силы и способности борьбе за свободу.

Эмма Гольдман, в особенности, очень известна и популярна в Америке, и было время, когда ее имя являлось сенсацией дня: оно гремело тогда не только по Америке, где она провела 30 лет своей бурной жизни, но и по Европе и остальному миру. И этой популярности она обязана своей неутомимой деятельности, как замечательная агитаторша и пропагандистка анархических идей.

Родившись в Ковно 28 июня 1869-го года в еврейской семье, Эмма свое детство провела в этом провинциальном городе. В 1882 году ее родители, добившись правожительства, переехали в Петербург и здесь определили Эмму, тогда 13-летнюю девочку, в среднюю шолу, где она училась русскому языку и другим предметам. Время тогда было тревожное: это было вскоре после убийства Александра 2-го русскими революционерами. Молодежь волновалась. Шла глубокая борьба между «отцами и детьми», между старым и молодым поколением. Нигилисты шли «в народ» проповедывать идеи свободы и революции. Эмма с жадностью впитывала в себя новые идеи и стремления русских нигилистов, и имена Желябова и Перовской сделались для нее святыми. Стремясь быть с народом, с рабочими, она начала работать на одной корсетной фабрике. Ей

было тогда 16 лет. Но случилось так, что проработав около двух лет, она решила эмигрировать в Америку — страну, которая всегда манила ее своей свободой и где жила ее старшая сестра. Но, если бы Эмма осталась в России, она наверное разделила бы участь русских революционеров, т. е. пошла бы в Сибирь...

В 1887 году Эмма Гольдман молодой 18-летней девушкой оставила Россию и эмигрировала в «свободную» Америку, поселившись в Нью Иорке. В то время страна переживала бурное забастовочное движение, закончившееся в одном месте известной в истории американского рабочего движения чикагской трагедией — смертью пяти анархистов. Это печальное событие сильно повлияло на Эмму Гольдман. Она хотела знать: почему и за что были казнены чикагские мученики? Какие идеи и стремления руководили ими в борьбе, приведшей их к виселице? С большим интересом и энтузиазмом она принялась за чтение богатой социалистической и анархической литературы, и, ознакомившись с учением анархизма, она в 1889 году бесповоротно примкнула к анархическому движению.

Большое влияние на интеллектуальное развитие Эммы Гольдман оказал известный немецкий агитатор-анархист Джон Мост, который своим красноречием просто пленял людей. Идеи революционного анархизма аппелировали к Эмме Гольдман. Она с жадностью прислушивалась к страстным речам Моста и ей самой хотелось стать ораторшей и служить делу освобождения рабочих.

Живо и быстро овладев английским языком, она начала свои первые публичные выступления агитаторши и имела успех. Ее популярность достигла большого развития, в особенности, в 1893 году. В то время страна была охвачена сильным промышленным кризисом. Безработица росла с каждым днем. Выброшенные из фабрик и заводов, безработные терпели голод, нужду и страдания.

Весной этого голодного года в Нью Иорке состоялся массовый митинг безработных. На этом митинге, помимо других ораторов, выступила и Эмма Гольдман. В горячей речи, обвиняя капиталистическую систему в народных страданиях, она мастерски обрисовала картины страдальческой жизни голодных рабочих. И обращаясь к последним, она в заключении своей речи произнесла следующие знаменитые слова: «Нужда не знает законов. Нуждающийся человек имеет естественное право быть сытым. Требуйте работы! Если вам откажут в этом, требуйте хлеба! Но, если вам откажут и в этом, тогда берите сами хлеб!»

Гольдман была арестована в Филадельфии, куда она приехала с целью выступления на одном рабочем митинге. Это был ее первый арест. Ее обвинили в призыве рабочих к бунту и американское правосудие» приговорило ее к одному году тюремного заключения.

Тюрьма не сломила революционной энергии Эммы Гольдман. Она вышла из тюрьмы еще более сильной и убежденной в правоте анархических идей. Она много поработала над своим духовным развитием и все время стремилась быть полезной в деле революционного просвещения американских рабочих. Она в течение нескольких лет предпринимала продолжительные лекционные туры, побывав во многих штатах Америки и распространив повсюду семена нового учения — анархизма.

Эмма Гольдман затем дважды ездила в Европу—в 1895 и 1899 годах—с лекционной же целью. Она посетила Англию и Шотландию, и ее лекционные выступления в этих странах вызвали большой интерес. А в 1900 году, будучи делегаткой на анархическом конгрессе в Париже, она впервые познакомилась с Кропоткиным, Черкезовым, Малатестой, Неттлау, Луизой Мишель и другими видными деятелями интернационального анархического движения.

В 1906 гду, благодаря сильному развитию американского рабочего движения, Эмма Гольдман совместно с Александром Беркманом приступила к изданию ежеме-

сячного анархическохо журнала «Модер Ойрт» («Родная Земля»). В этом журнале, посвященном анархизму, науке и литературе, сотрудничали лучшие силы анархического движения, как Кропооткин, Грав, Неттлау, а также и американские анархисты: Аббат, Гавель, Вольтерина де Клэйр, Келлы, Оуэн и др. Журнал выходил почти 12 лет, до конца 1917 года, и был приостановлен вследствие вторичного ареста Эммы Гольдман.

На этот раз смелая анархистка была арестована в мае 1917 года за одну свою речь против войны и милитаризма (во время вступления Америки в европейскую войну). Она была присужденна к двум годам тюремного заключения и к депортации из страны, как «неблагонадежная» и «опасная» анархистка. Она не была бы депортирована, если бы согласилась подписать петицию о том, что она отказывается от дальнейших выступлений против американского правительства. Но она категорически отказалась это сделать. И отсидев тюремный срок, она вместе с Александром Беркманом и другими русскими анархистами была выслана в конце 1919 года в Россию.

Эмма Гольдман уехала в Россию с большими надеждами на лучшее будущее освободившейся страны. В то время она была большой сторонницей большевиков и их методов борьбы. Она верила, что Россия, освободившись от царизма, нашла верный путь осуществления свободной республики рабочих и крестьян. Она верила, что там начинает строиться социализм — заветный идеал трудового народа, веками добивавшегося свободы и счастья,— и воодушевленная, полная надежд, она уехала в Россию с целью помочь стране строить новую и лучшую жизнь.

В России, однако, Эмме Гольдман не суждено было долго оставаться и работать для революции. Как убежденная анархистка, она не могла мириться с диктаторским режимом большевиков, уничтожающим свободу личности и всякое свободное проявление мысли. Ее мечты видеть Россию свободной и счастливой скоро рассеялись. Вместо свободы, она нашла в стране новое рабство, еще худшее, чем при царизме. Своей диктатурой и насильственными экспериментами над русским народом большевики заставили ее разочароваться в правоте их идеалов и стремлений. Она не убоялась и смело бросила вызов большевистским диктаторам. И в результате — ее высылка из России.

За последнее время Эмма Гольдман живет за-границей, скитаясь по некоторым европейским странам и не находя постоянного места для своей деятельности. Она жила во Франции, Англии, где она часто выступала с лекциями на политические и литературные темы, и короткое время жила в Канаде, куда она была дважды приглашена для прочтения лекций.

В начале 1934 года Эмма Гольдман добилась разрешения на временное пребывание в Соединенных Штатах. Она приехала в Америку с лекционной целью. Она читала здесь лекции о политическом положении в Европе, о России, о фашизме и коммунизме. И все ее лекции имели большой моральный успех, вызвав необыкновенный интерес как среди широкой американской публики, так и в особенности, среди ее многочисленных друзей и почитателей.

За последние несколько лет,, со времени испанской революции 1936 года, деятельность Эмы Гольдман была тесно связана с героической борьбой испанского народа. Она трижды посетила революционную Испанию и была радушно встречена рабочими, анархистами и синдикалистами. Она имела свободный доступ во все революционные, политические, культурные и воспитательные организации и институты восставшего народа. Она посещала собрания, с'езды и конгрессы анархистов; беседовала со многими видными руководителями; побывала на военном фронте; помогала рабочим и крестьянам устраиваться в новых коллективах и, изучая жизнь героического испанского народа, она старалась всеми силами и способами содействовать ему в построении свободной жизни.

Но поражение испанской революции

трагические события последних лет и тяжелые личные переживания не разочаровали Эмму Гольдман и не сломили революционного духа. Она продолжает свою деятельность, словом и делом помогая развитию анархического движения. Она глубоко верит в анархизм и остается убежденной анархисткой, преданной делу освобождения трудового человечества от ига капитала и власти и верящей, как и 50 лет тому назад, когда она 20-летней девушкой примкнула к анархическому движению, в окончательное торжество анархического идеала.

Эмма Гольдман не только даровитая ораторша, но и талантливая писательница. Помимо своих многочисленных статей на теоретические, социальные и литературные темы, помещенные во многих анархических журналах и газетах, она написала несколько замечательных брошюр и книг об анархизме, о современной драме и о русской революции. Ее книга об анархизме, переведенная на русский язык, была широко распространена в России и пользовалась большим влиянием в первый период революции 1917 года, т. е. до прихода большевиков к власти, об'явивших анархизм вне закона.

Одним из последних произведений Эммы Гольдман является автобиография в двух книгах, занимающих 1000 страниц и отображающих ее жизнь и деятельность и ту эпоху, в которой ей приходилось жить и работать. Свою поучительную автобиографию Эмма Гольдман заканчивает следующими словами:

«В моей жизни я была как на высоте, так и на дне ее. Я пережила много страданий, но и много радостей; много тяжелых испытаний, но и много светлых надежд. Но я не потеряла веры в человечество. Я жила и боролась так, как я верила».

Приветствуя Эмму Гольдман по поводу ее 70-летнего юбилея, мы от всей души желаем ей прожить еще много лет и быть активной в анархическом движении.

Л. ЛИПОТКИН.

Э. МАЛАТЕСТА.

О РЕЖИМЕ СОБСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы все были свободны, чтобы каждый мог вполне свободно достичь максимального морального развития и пользоваться всеми благами, которые природа и работа ему могут дать, необходимо, чтобы все были собственниками, иначе говоря, чтобы все имели право на тот клочек земли, сырья и необходимых орудий труда, чтобы работать и производить не будучи эксплоатируемыми и угнетенными. А так как невозможно ожидать, чтобы класс имущих отказался внезапно от узурпированных ими привилегий, необходимо, чтобы трудящиеся их экспроприировали и чтобы все было превращено в собственность всех.

Это должно будет быть задачей ближайшей революции, и на это мы должны направить все наши усилия. Но так как общественная жизнь не признает перерывов, необходимо в то же самое время думать и о практических способах употребления богатств, ставших общественными, обеспечить всем членам общества пользование равными правами.

Режим собственности будет, следовательно, проблемой, которая неизбежно станет в самый момент экспроприации.

Естественно, нельзя претендовать, ни ожидать, что сразу перейдут от современной системы к системам безупречным и определенным. В момент революции чрезвычайно важно действовать быстро, чтобы удовлетворять немедленно неотложные потребности, будет делаться по возможностям, согласно волям заинтересованных и условиям, которые будут существовать; в действительности—так, как определят и ограничат эти воли. Но важно иметь с самого начала идею о том, что хотят делать, чтобы направлять движение, как можно более близко, к намеченной цели.

Должна быть собственность индиви-

дуальной или коллективной? А коллективная собственность богатств — неделимой? Будет местная (локальная) группа, группой функциональной, группой идеологически связанной, группой семейной— или будет вмещать в себя членов целой нации, а затем и всего человечества?

Каковы будут формы, которые примет производство и обмен? Восторжествует коммунизм (производство общества и распределение продуктов согласно работе каждого), или индивидуализм (каждый владеет индивидуально средствами производства и пользуется интегральным продуктом своего труда) или другие смешанные формы, которые индивидуальные интересы и социальный инстинкт, озаренные опытом, смогут выдвинуть?

Скорей всего, все возможные способы владения и пользования средствами производства и все способы распределения продуктов будут испробуемы одновременно в одних и тех же, или в разных местностях; будут переплетаться и связываться разными способами, пока практика не научит каковая из них, или каковы суть — лучшая или лучшие формы.

А до тех пор, как я уже сказал выше, необходимость не прерывать производства и невозможность приостановить потребление необходимых вещей сделают, что бы, по мере того, как производится экспроприация, принимались необходимые соглашения для продолжения общественной жизни.

***

Будет делаться то, что возможно; но всегда, если не будет допущено создания и укрепления новых привилегий, будет время для искания лучших путей. Но каково решение, какое мне кажется лучшим и к каковому нужно было бы стараться присоединиться?

Я называю себя коммунистом, потому что коммунизм мне кажется идеалом, к какому человечество присоединится по мере того, как будет расти любовь между людьми, и изобилие производства их освободит от боязни голода и разрушит, таким образом, главное препятствие к братствованию между собой. Но действительно больше, чем практические формы экономической организации, которые неизбежно должны будут приспособляться к обстоятельствам и будут всегда в беспрерывной эволюции, — важен дух, которым воодушевляются эти организации и методы, с которыми к ним подходят: важно — это, говорю я, чтобы они были руководимы духом справедливости и желанием всеобщего благосостояния, и чтобы к этому приходили всегда свободно и добровольно.

Если, действительно, имеется свобода и дух братства, все формы ведут к одной и той же цели человеческой эмансипации и возвышения и кончат примирением и слиянием. Напротив, если нет свободы и стремления к благу всех, все формы организации могут содержать в себе несправедливость, эксплоатацию и деспотизм.....

Коммунизм теоретически представляется идеальной системой, которая заменит в человеческих взаимоотношениях борьбу — солидарностью, которая использует наилучше возможным способом природные силы и человеческую работу и сделает из человечества одну большую семью братьев, готовых помогать взаимно друг другу и любить друг друга.

Но возможно ли это практиковать в современных моральных и материальных условиях? и в каких границах?

Всемирный коммунизм, то есть одна единственная община между всеми человеческими существами, есть стремление, идеальный маяк, к которому нужно стремиться, но, ясно, не смогло бы быть теперь конкретной формой экономической организации. Это, понятно, — для наших времен и, возможно, некоторое время и после нас: о будущем более далеком будут думать будущие люди.

Сейчас невозможно думать больше, чем о коммунизме множественном между соседними и ближайшими населениями, которые затем будут иметь между собой взаимоотношения разных родов, коммерческие и коммунистические; и даже в этих границах всегда выплывает проблема возможного антагонизма между коммунизмом и сво-

бодой. Потому что, не иначе, если отрицать чувство, которое, сопутствуемое экономической активностью, толкало бы людей к сознательному и желаемому братству и солидарности и которое бы нам внушало пропагандировать и практиковать, невозможно больше, коммунизм, — думаю, что так же как полный индивидуализм был бы антиэкономен и невозможен, также теперь был бы невозможен и антианархичен полный коммунизм; особенно, если бы он охватил большую территорию.

Чтобы организовать в большом масштабе коммунистическое общество было бы необходимо радикально трансформировать всю экономическую жизнь: способы производства, обмен и потребление; а это возможно сделать только постепенно, по мере того, как обстоятельства об'ективные это позволят и массы поймут свои выгоды, и научатся снабжать сами себя. Если же, наоборот, захотели бы и смогли бы сделать это одним ударом, по воле и пропотенции (силе) какой нибудь партии, — массы, привыкшие подчиняться и служить, приняли бы новую форму жизни, как новый закон, навязанный новым правительством и ожидали бы, чтобы высшая сила предписала каждому способ производства и измеряла бы им потребление. И новая власть, не зная и не умея удовлетворять бесконечно разнообразные и часто противоречивые потребности и желания, и не желая об'явить себя бесполезной, предоставив заинтересованным свободу действовать, как захотят и смогут, воссоздаст Государство, основанное как и все государства на военной и полицейской силах, которое, если ему удастся удержаться, не сделает ничего другого, кроме замены старых хозяев, хозяевами новыми и более фанатичными. Под предлогом, и даже с честными и серьезными намерениями, возродить мир новым евангелием, захотели бы навязать всем единый регламент (правило поведения), упразднили бы свободу, сделали бы невозможной всякую свободную инициативу; и как последствие имелось бы расстройство и паралич производства, всеобщая нищета и наконец возврат, более или менее полный, к тем же условиям угнетения и эксплоатации, которые революция хотела уничтожить.

Русский опыт не должен был-бы пройти даром.

**
*

В заключение, мне кажется, что никакая система не может быть жизненной и действительно освободить человечество от наследственного рабства, если она не есть плод свободной эволюции.

Человеческие общества, если они должны стать общежитиями людей свободных, кооперирующих для наибольшего блага всех, а не только монастырями или деспотиями держащимися на религиозных предразсудках или грубой силе, не могут быть искусственными созданиями одного человека, или одной секты. Они должны быть результатом потребностей и воль, совпадающих или противоречивых, всех его членов, которые, пробуя раз и еще раз, отыскивают те учреждения, которые в данный момент наилучше возможны, и их развивают и изменяют по мере того, как меняются обстоятельства и люди.

Можно, следовательно, предпочитать коммунизм, или индивидуализм, или коллективизм, или любую другую воображаемую систему и работать пропагандой и примером для победы собственных стремлений, но необходимо хорошо беречься, под страхом верного провала, претендовать, чтобы собственная система стала системой единственной и непогрешимой, хорошей для всех людей, во всех местах и во все времена; и что приводить ее к победе необходимо не иначе, как только убеждением, которое вытекало бы из очевидности фактов.

Что — да важно, что да — неизбежно, необходимо, это, чтобы точка отправления состояла в обеспечении всем средств, чтобы быть свободными.

Раз свергнуто, или сделано безсильным, каким нибудь образом, правительство, которое существует там для защиты собственности, будет необходимо, чтобы весь народ, и особенно специально те из народа, которые имеют дух инициативы и

organизационной способности, позаботились бы об удовлетворении немедленных потребностей и подготовляли бы будущее, разрушая привилегии и вредные учреждения и заставляя функционировать все те полезные учреждения, которые теперь служат исключительно, или равным образом, для пользы доминирующих классов.

На анархистах же будет лежать специальная миссия быть зоркими хранителями свободы против искателей власти и против возможной тирании большинства.

«Пробуждение», Женева 30-11-29.

АНАРХИЗМ И КООПЕРАЦИЯ

1.

Многие анархисты теперь склоняются к мнению, что кооперация есть метод строительства анархического общества. Можно считать, что наиболее приемлемым для этих анархистов является такое определение кооперации: «кооперация есть анархическая форма обобществления народного хозяйства, подвергшаяся извращению вследствие использования ее руководителями для своих политических целей, несовместимых с принципами коммунистического анархизма».

Не я придумал такое определение, но поскольку оно хорошо определяет значение для нас кооперации и наши задачи в кооперации, я считаю необходимым с ним согласиться.

Из этого определения следует ряд выводов. Во-первых, — кооперация, по своему существу, является средством строительства анархического общества. Это само собою понятно, поскольку каждый кооператив есть добровольное об'единение трудящихся для совместного ведения общего хозяйства в целях наиболее полного удовлетворения их потребностей. Анархическую основу кооперации составляет добровольность членства, право свободного выхода для меньшинства, возврат пая выбывающим членам, подконтрольность и сменяемость всех выборных лиц.

Во-вторых, идеологическая враждебность кооперативного движения к анархизму, которую мы можем наблюдать во всех странах, об'ясняется воздействием руководящего состава кооперации на массы: руководят кооперацией наши враги из буржуазного и социалистического лагеря, которые и приспособляют анархическую по форме кооперацию к своим антианархическим целям. Таким образом, смысл кооперации извращается благодаря сознательному воздействию на нее наших врагов.

В-третьих, сам собою напрашивается вывод, чтто для того, чтобы кооперация служила нашим анархическим целям, нужно, чтобы анархисты ею руководили. Жизнь строит тот, кто активен. Если мы будем стоять в стороне от кооперации — самого мощного общественного движения в мире, — другие партии будут использовывать его во вред нам. Большевикам, например, было очень трудно строить свой государственный социализм при противодействии кооперации. Они потратили около двух лет на борьбу с ней, которая кончилась полным уничтожением кооперации. Теперь сызнова они восстанавливают кооперацию. Так же и мы не сможем построить анархическое общество, если кооперативное движение будет против нас. Значит, нужно идти в кооперацию и бороться за то, чтобы сделать ее анархической.

А для того, чтобы кооперация стала анархической, анархистам необходимо бороться за то,

1) чтобы кооперация обслуживала низшие слои пролетариата, трудовое крестьянство и интеллигентскую бедноту;

2) чтобы кооперация укрепляла связи между пролетариатом и крестьянством (трудовым фермерством);

3) чтобы кооперация постепенно кооперировала и домашнее хозяйство, (чтобы освободить женщину от рабства домашнего очага);

4) чтобы потребительская кооперация постепенно усваивала задачи других видов кооперации;

5) чтобы кооперация широко ставила ку-

льтурно-просветительную работу среди членов;

6) чтобы кооперация вела или содействовала ведению анархической пропаганды;

7) чтобы кооперация стремилась к захвату в свои руки орудий и средств производства.

После анархической революции потребительская кооперация должна взять в свои руки орудия и средства производства и заменить наемный труд личным трудом своих членов. Замена наемного труда трудом членов превращает кооператив в коммуну. До революции это невозможно, после революции — необходимо.

Анархическая коммуна — это потребительский кооператив с собственным производством, которое ведется личным трудом его членов.

Товарищи дружно возражают против выделения жилищной кооперации и придания ей особых задач в будущем обществе. Они говорят, что такое выделение одного из видов кооперации запутывает программу, делает ее туманной. Нужно выдвинуть принцип и отбросить частности, — говорят они. Действительно, жилищная кооперация — вид потребительской кооперации (удовлетворяет потребность в жилище). Не будем спорить из за частностей. Признаем, что в будущем города и села должны будут исчезнуть с лица земли и их должны будут заменить города—сады. Признаем также, что организовать удовлетворение всех потребностей (пища, одежда, жилище, транспорт) должна будет потребительская кооперация.

Некоторые товарищи возражают против принципа потребительской кооперации и средством строительства анархического общества считают все виды кооперации (сельско-хозяйственную кредитную и производительную). С этим уж никак нельзя согласиться. Потребительская кооперация об'единяет рабочих и крестьян (фермеров), а другие виды кооперации раз'единяют их. Поэтому, в других видах кооперации можно участвовать для того, чтобы привести их к слиянию с потребительской, но отнюдь не для того, чтобы на них что либо строить. Наша задача — построить такое общество, где не будет ни рабочих, ни крестьян, не будет даже профессий, а все виды кооперации, кроме потребительской, связаны с профессиональным делением людей.

Для того, чтобы уничтожить профессиональное деление людей, потребительская кооперация в будущем обществе должна будет проводить принцип интеграции труда. Потребительский кооператив должен будет (после революционного захвата орудий и средств производства) образовать секции по отдельным отраслям производства и проводить принцип участия каждого члена в нескольких секциях, обращая внимание на разнообразие занятий (чередование сельско-хозяйственных работ с промышленными и умственного труда с физическим).

Для того, чтобы кооперативы не выродились в государственные организации (на подобие синдикатов), должна быть сохранена добровольность членства и принцип возврата пая выходящему члену должен быть заменен, после анархической революции, принципом выделения пропорциональной доли имущества. Это — основная гарантия добровольности организации. Вышедший член может распорядиться своей долей имущества как ему угодно. Он может жить по индивидуалистически.

Анархический коммунизм не будет навязываться силой. Анархический коммунизм не мешает отдельным людям жить не по коммунистически, но он учит, что вольный коммунизм — самая удобная для человека форма общежития.

Так должны мы исправить и дополнить основные положения предполагаемой нами программы, в той части ее, которая касается кооперации.

II.

Как построить большой кооператив?

Один товарищ пишет мне, что идея кооперации не всюду осуществима, так как в некоторых городах Америки живет так мало русских и так они далеко друг от друга находятся, что нет никакой возможности об'единить их в один кооператив. Бывают случаи, когда в маленьком городке

живет всего несколько десятков человек русских и большое количество их рассеяно по фермам.

Конечно, такой случай представляет большие затруднения, но эти затруднения вовсе не непреодолимы. В таком случае нужно будет построить кооператив по типу федерации групп: разбить всех членов на группы, все вопросы управления кооперативом обсуждать по группам, а для решения их созывать представителей групп.

Городских рабочих можно разбивать на группы по месту жительства или по месту работы (кому как удобнее окажется), а фермеров — по месту жительства. Группы надо составлять так, чтобы членам их легко и удобно было собираться.

Группы могут быть как маленькие, так и большие, т. е., и в 10 человек, и в 30 человек, и в 100 человек. Каждая группа должна иметь список своих членов. Правление кооператива должно также иметь список всех членов кооператива с разбивкой их по группам.

При таком построении район деятельности кооператива может распространяться на десятки и даже на сотни верст. В СССР по такому типу построены кооперативы охотников, об'единяющие по 1000 и более членов, разбросанных небольшими группами по селам. Бывает в одном охотничьем кооперативе до 30, даже до 50 таких групп, причем расстояние между самыми дальними группами доходит до 300-500 и даже до 700 верст. В Болгарии в 1923 году был потребительский кооператив, который работал на всю Болгарию, насчитывал до 70 тысяч членов.

Следовательно, большой кооператив, имеющий членов, живущих на расстоянии сотен верст от местонахождения правления кооператива, вполне возможен. Он неудобен тем, что в нем не будет живого непосредственного общения между всеми его членами. Это общение будет происходить только через представителей групп, т. е. через Собрание Уполномоченных. Это—большое неудобство.

Для того, чтобы такое построение не вело к перерождению кооператива в прототип государства, управляемого чиновниками, нужно, чтобы организация сохранила свой анархический характер. Кооператив со всеми его группами должен управляться так, как управляется Федерация Русских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады или Южной Америки. Правление кооператива—то же, что Исполнительный Комитет ФРРО СШ и К или ФРРО ЮА, а Собрание Уполномоченных от групп кооператива—то же, что с'езд федерации.

У большого кооператива есть и хорошие стороны: об'единение рабочих с фермерами и большая хозяйственная мощность.

Один товарищ справедливо указывает мне, что маленькие кооперативы, обычно, об'единяют или одних рабочих, или одних фермеров. Это верно. Рабочие об'единяются с фермерами только через союз кооперативов. А там, где русских колонистов мало, там не только союз кооперативов, но и один то кооператив трудно построить. Поэтому, в таких местах нужно строить большой рабоче-фермерский кооператив по типу федерации групп.

Хозяйственная мощность такого большого кооператива будет велика, потому что он будет иметь много членов и будет заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью.

Он будет снабжать своих членов доброкачественными предметами широкого потребления по умеренным рыночным ценам. Городских членов своих он будет снабжать через магазин, а фермерам будет высылать товары по их заказам. Кроме того, фермерам кооператив может высылать по их заказам семена, удобрение и все, что надо для ведения сельского хозяйства.

Затем кооператив может организовать сбыт продуктов, производимых фермерами. Это должно значительно увеличить его торговые обороты.

Далее, в городе кооператив может снимать в аренду квартиры и даже целые дома для того, чтобы предоставлять своим членам более дешевое и более удобное жилище. Может даже, если пожелают члены, сдавать им в наймы квартиры и комнаты

с мебелью, приобретаемой им в рассрочку. За городской чертой кооператив может арендовать участки земли для предоставления их в личное или групповое пользование своим членам, желающим заниматься земледелием, садоводством или огородничеством. Кооператив может выговорить лучшие условия аренды, чем отдельные лица, так как он является более солидным с'емщиком, чем каждый его член в отдельности.

Затем, кооператив может организовать производственный кредит для феремеров. А для рабочих он может организовать страхование на случай болезни, увечья или смерти. Кредитное и страховое дело организовать очень трудно и, поэтому, с ними спешить не приходится.

Кооператив может общественно организовать домашнее хозяйство своих членов, открыв прачечные, столовые, ведя уборку комнат и т. д.

Словом, все, что нужно человеку, сообща можно лучше сделать, чем в одиночку. Это относится не только к хозяйственной работе, но и к культурной.

При кооперативе нужен клуб. Клуб должен иметь пропагандистскую секцию для устройства лекций, бесед и докладов, музыкальный кружок, хоровой кружок, драматический, профессиональную секцию, секцию фермерского союза, библиотеку и другие обслуживающие клуб учреждения. Для того, чтобы фермеры не были оторваны от клуба, можно установить радио-передачник (на коротких волнах) и это даст возможность фермерам слушать лекции, доклады и концерты, организуемые клубом.

При клубе же может быть Бюро Труда, имеющее целью подыскание работы для рабочих и подыскание участков земли для фермеров.

Кооператив может также организовать и воспитание детей своих членов, устраивая детские ясли для маленьких детей, детские сады для детей школьного возраста, школы, клубы и бойскаутские отряды для детей школьного возраста и курсы для взрослых.

Кооперация может всю нашу личную жизнь построить на совершенно новых началах. В это строительство жизни мы должны вложить начала анархической культуры. Тогда в час революции останется только захватить в свои руки орудия и средства производства и заменить наемный труд личным трудом членов, чтобы анархическая коммуна была уже осуществлена.

Стройте же такую кооперацию, которая служила бы нашим идеалом!

В. Х.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОБЩИНЫ

Обычно принято думать, что так называемые земледельческие общины были лишены жизненности, т. е. все они существовали очень короткое время да и не смогли существовать благаря неспособности русской средней интеллигенции к земельному труду. Между тем это далеко не так. Было не мало общин, просуществовавших десятки лет и ликвидированных лишь благодаря насильственному «разгону» их большевиками после нашествия этих современных «гуннов» на Россию.

Краткую историю одной из таких общин я хочу рассказать, желая настоящей своей заметкой ответить на те запросы, с которыми обращались ко мне некоторые из читателей.

Эта община была организвана в начале девяностых годов прошлого столетия в одной из южных поволжских губерний. Организаторами были земкий врач и крестьянин, предоставивший для этой цели выкупленный им в собственность земельный надел. Количество общинников постепенно увеличивалось и к 1902 году достигло одиннадцати, не считая детей. Состав общины, по социальному положению ее членов, был довольно пестрый. Помимо учредителей общины — врача и рядвоого крестьянина с сыном — к ней примкнули запасный солдат артиллерист с женою, свояченицей и братом, народный учитель и священник с женою и детьми, сложивший с себя сан по несогласию с церковными догмами, извращавшими, по его мнению, истинный смысл учения Христа. Позднее

к общине присоединились три студента и одна модистка, но эти последние пробыли в общине очень короткое время.

Земли в распоряжении общины было около 30 десятин, часть ее, как уже было сказано выше, принадлежала на праве собственности одному из учредителей; остальная земля была предоставлена в пользование соседним крестьянским обществом, к которому в этих видах приписались некоторые из членов общины. Земля была превосходного качества: глубокий чернозем с небольшою примесью песка. Денежными средставми никто из общинников не располагал. Если кое у кого и было две-три сотни рублей, то почти все эти деньги были израсходованы на постройку жилища и хозяйственное обзаведение.

Первые годы существования общины дело шло очень дружно. Женщины и дети исполняли домашние раобты: стирали белье, убирали избы, готовили обед и т. д. Все мужское население занималось земельным трудом. Имущество считалось общим. После реализации урожая. по общему соглашению, определялось, сколько должно остаться для продовольствия членов общины, какая часть подлежала продаже и какие потребности нужно было удовлетворить за счет сумм вырученных от продажи сельско-хозяйственных продуктов. Касса также была общею. Если кто-либо нуждался в деньгах, таковые ему выдавались из кассы. Но это бывало очень редко. В большинстве случаев, все необходимое, как-то платье, белье и т. п. покупалось кассиром по просьбе нуждающегося члена общины. Никаких недоразумений на этой почве не происходило, потому что каждый сознавал, что расходовать общественные деньги нужно с большой осторожностью.

С увеличением числа членов в общине начались трения. От времени до времени возникали недоразумения на почве исполнения полевых работ: некоторым казалось, что они работают лучше и больше нежели другие. Иногда дело доходило до смешного. Так, например, если кто-либо случайно проснулся позже и являлся на работу с опозданием, ему тотчас же это ставилось на вид, нередко в обидной для него форме. Таким путем создавались натянутые отношения между товарищами, и, в результате, общее дело страдало. Масса споров, ссор и вражды происходило также в тех случаях, когда кто либо из членов общины решался выйти из ее состава. Тут пред'являлись иногда положительно абсурдные требования, вроде, например, уплаты поденно за работы, выполненные членом втечение всего времени пребывания его в общине или выдела ему, для продажи постороннему лицу, участка общественной земли. В конце концов решено было тем из членов, которые не могут или не хотят работать дружно со всеми остальными, выделить особые участки, на которых можно было бы работать единолично, при условии, однако, сдачи всего урожая в общественную кассу. Хотя такая система противоречила до известной степени принципам, на которых создана была община, но она была принята как тактический прием, ибо, по русской пословице «худой мир лучше доброй ссоры».

Кое кто из членов общины навлекал на себя неудовольствие со стороны товарищей слишком настойчивым проведением в жизнь своих идей. Например, бывший народный учитель, причислявший себя к числу «толстовцев» отказывался работать на лошадях, считая что истязать животных — грешно и что человек должен кормиться «трудами рук своих» в самом узком значении этого выражения. Он считал, что в общине не должно быть полей, а что общинная земля подлежит использованию большого «хлебного огорода», где все работы производятся с помощью лопаты, сапки и граблей С такой точкой зрения был согласен (и то до известной только степени) только один из товарищей. Большие несогласия происходили также на почве отношения к правительственной власти. Некоторым из членов общины казалось несовместимостью с идеями христианского анархизма уплата государственных налогов и податей. Другие, соглашаясь по существу с этой точкой зрения, находили, что отказ от уплаты хотя бы поземельного

налога повлечет за собою разного рода репрессии со стороны полиции и органов фиска. И, действительно, когда один раз община задумала было не платить налога, был наложен арест на урожай и часть оного была продана принудительным порядком. После этого случая подобных опытов больше не производилось. Сотоварищи решили покориться своей судьбе и быть «подданными государства». Но все таки некоторые из них покинули впоследствии общину исключительно благодаря нежеланию «поддерживать власть» уплатою податей и повинностей; число членов общины начало понемногу убывать.

Мне пришлось провести несколько дней в общине, в 1914 году, незадолго до об'явления войны с Германией и хутор «Дубки» (так называлась община) был в цветущем состоянии. Помимо прекрасно содержимого полевого хозяйства, имелся фруктовый сад площадью более десятины, богатейшие огороды, отлично оборудованная пасека и даже небольшая искусственно засаженная рощица, от которой община и получала свое название. Если не ошибаюсь, число членов общины к тому времени не превышало пяти. Жили они очень дружно, потому что в течение многих лет совместной жизни и работы привыкли друг к другу, «сжились» как говорили местные крестьяне. Нельзя сказать, чтобы хуторяне были богаты, но довольство, зажиточность бросалась каждому в глаза при первом же посещении «Дубков». На мой вопрос о том, как были ликвидированы экономические взаимоотношения с членами выбывшими из общины, мне ответили, что на этой почве произошло не мало недоразумений. Некоторым было уплочено небольшое денежное вознаграждение за те работы, которые были выполнены ими за время пребывания в общине. Другим были выделены участки земли в личное пользование. Участки эти впоследствии были оставлены их владельцами и земля перешла в распоряжение крестьянского общества. Как бы то ни было ядро общины во главе с ее учредителями представляло из себя элемент тесно сплоченный. Отрадно было видеть пример истинно-братской, христианской жизни этой небольшой группы людей совершенно различных в прошлом по своему общественному положению и ранее незнакомых между собою.

Совсем другую картину увидел я при посещении «Дубков» в 1919 году. Правительство большевицкое не могло помириться с мыслью, что люди живут хорошо помимо коммуны. В виду этого, решено было «разогнать» толстовцев (так выражались свободолюбивые большевицкие власти) и организовать на хуторе «Дубки» коммуну. Членам общины было предложено: или немедленно вступить в коммуну, или же отправляться «куда глаза глядят». Согласились остаться для работы в «коммунальном хозяйстве» только два общинника, но и эти несчастные, выбитые из своей колеи, пожилые люди говорили мне, что в скором времени собирались оставить свои насиженные гнезда, чтоб доживать старость в чужих краях, где можно дышать свободно.

Хозяйство общины было в самом жалком виде: поля на половину необработанные, домашний скот представлял из себя «кости да кожу», сельско-хозяйственные орудия куда то изчезли, от рощи не осталось и следа, ибо деревья были вырублены на топливо, от плодового сада сохранилось лишь несколько жалких на вид яблонь...

Но зато над воротами хутора развивалась на длинном шесте красная тряпка с пятиконечной звездой и буквами Р.С.С.Р,

ТРАГЕДИЯ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

Начну с утверждения: оставляя в стороне все политические и экономические теории, все классовые и расовые различия, все искусственные границы, размежевывающие права мужчины и женщины, я утверждаю, что существует некая точка, в которой эти крайние полюсы могли бы сойтись, а впоследствии и слиться совершен-

но.

Мир и гармония в существовании полов, как вообще в социальной жизни, не предполагает непременно всеобщей наружной нивеллировки, не требует устранения всех индивидуальных особенностей и черт. Проблема, которую ставит перед нами настоящий момент, и которую нам предстоит разрешить в близком будущем, заключается в том, каким образом, оставаясь самим собой, казаться однакоже, в единении, в единстве с другими, как сохранить в неприкосновенности свои индивидуальные, «характеризующие» свойства, ощущая, вместе с тем, глубокую общность со всем человечеством? На этой почве, как мне кажется, могли бы встретиться, без антагонизма и несогласий, масса и индивид, искренний демократ и честный индивидуалист, женщина и мужчина. Их лозунгом должно быть отнюдь не. «прощайте друг другу", но — «старайтесь понять друг друга».

Столь часто цитируемый афоризм мадам де-Сталь: «Все понять — значит все простить», никогда мне особенно не импонировал; он отдает церковным «отпущением грехов», в этом прощении другого кроется идея самодовольного, фарисейского сознания своего превосходства. Достаточно понимать своего ближнего — и в этом, именно, положении воплощены отчасти мои идеи по поводу раскрепощения женщины и влияния ею на весь ее пол в целом.

Эмансипация должна была дать женщине возможность стать человеком, в истином значения этого слова. Все что требовало в ней самоотвержения и деятельности, должно было получить наиболее полное выражение: пути ведшие к наивысшей свободе, должны были быть очищены от всех следов, оставленных веками покорности, подчинения и рабства.

Такова была первоначальная цель движения в пользу женской эмансипации. Но доступные до сих пор результаты обрекли женщину на одиночество и лишили ее всех источников личного счастья, которое является для нас столь насущной потребностью. Внешняя эмансипация сделала из современной женщины попросту некое искусственное существо, напоминающее произведения французского садовника, с его фантастическими деревьями и кустами, подстриженными в виде пирамид, конусов, кубов и т. п. Особенно часто можно встретить подобные искусственные растения в так называемых интеллектуальных сферах общественной жизни.

Свобода и равноправие женщины! Сколько надежд и стремлений пробудили эти слова, когда они были произнесены впервые некоторыми из наиболее благородных и мужественных умов наших дней!

Солнце во всем его блеске и славе, должно было взойти над новым миром, где женщина будет свободно решать свою собственную судьбу — цель, без сомнения, вполне достойная энтузиазма, мужества, настойчивых и неустанных усилий того отряда пионеров обоего пола, который ставил на карту все, чтобы восстать против прогнившего мира невежества и предрассудков.

Мои личные упования также устремлены к этой цели, но я утверждаю, что эмансипация женщины — как она сейчас толкуется и проводится в жизнь — потерпела полнейший крах. Женщина ныне поставлена перед необходимостью эмансипироваться от эмансипации, поскольку она хочет действительного освобождения. Это может казаться парадоксальным — и все же это более чем справедливо.

В самом деле — чего добилась женщина по милости эмансипации? — Право голосования на выборах в некоторых государствах. Способствовало ли это хоть сколько нибудь очищению политической жизни, как предсказывали многочисленные сторонники женского избирательного права? Конечно же, нет. Замечу мимоходом, что лицам, одаренным здравым и ясным рассудком, пора бы прекратить свои рассуждения, в тоне склонного глубокомыслия на тему о «гнилости политических сефр». Гнилость в политике не имеет ничего общего с моралью — или отсутствием таковой — у различных политических персонажей. Происхождение ее чисто материаль-

...ние.

Эмансипация сделала женщину экономически равной мужчине; другими словами, ей предоставлен свободный выбор профессии или ремесла. Но так как ее физическое воспитание, в прошлом и настоящем, не дало ей достаточно сил для того, чтобы конкурировать с мужчиной, то зачастую она вынуждена затрачивать всю энергию, истощать все жизненные силы организма и напрягать до крайности все нервы, чтобы «оправдать» свою рыночную цену. И все же это удается очень немногим — ибо это общепризнанный факт, что женщины педагоги, врачи, архитекторы и инженеры приглашаются неохотно, и к ним относятся далеко не с таким доверием, как к их коллегам — мужчинам, причем нередко они получают значительно меньшее вознаграждение. Если же некоторым и удастся, как будто бы, добиться внешнего равенства, то достигается это обычно за счет их физического и психического благосостояния. Что касается широкой массы женщин — работниц, то много ли выиграли они в смысле независимости, променяв узость кругозора и затворничества у домашнего очага на такое же затворничество на фабрике, в модной мастерской, в магазине или конторе? Для многих из них к этому нужно прибавить невеселую перспективу возвращения, после тяжелой повседневной работы, в свою одинокую, холодную, неприветливую и неубранную комнату. Независимость, поистине, блистательная! Неудивительно, что сотни молодых девушек с такой готовностью принимают первое же подвернувшееся «предложение» — настолько они устали от этой опостылевшей им «независимости» за конторкой, за пишущей или вязальной машиной. Они гонятся за случаем выйти замуж совершенно так же, как их молодые сверстницы из среднего класса, которые надеются таким путем избавиться от наскучившего им ига родительской указки и авторитета. Перспектива самостоятельности, приобретенной ценой беспросветного и безрадостного прозябания, не настолько привлекательна, даже в идеалистическом смысле, чтобы можно было ожидать, что женщины станут жертвовать ради нее своим личным счастьем. В конце концов наша хваленая независимость есть не что иное, как своеобразный метод медленного усыпления и удушения присущих женской природе инстинктов любви и материнства.

Узость существующих представлений о независимости и эмансипации женщины, боязнь полюбить человека, который не является равным ей в смысле социального положения; боязнь того, что любовь лишит ее независимости и свободы; вечный страх, что любовь или радость материнства окажется помехой в ее профессии — все эти опасения превращают современную эмансипированную женщину в невольную весталку, мимо которой жизнь, с ее великими очищающими печалями и глубочайшими ликующими радостями, проходит, не задевая и не волнуя ее души.

Горизонты женской эмансипации, в понимании большинства приемлющих или выдвигающих эту идею, черезчур сужены, чтобы оставить место вполне свободному проявлению и расцвету глубочайших эмоций, переживаемых истинной женщиной; эмоций любовницы и матери. И если справедливо, что женщина экономически достигла известной самостоятельности и превосходит своих сестер прошлых поколений в смысле знания мира и человеческой природы, то именно в силу этого она особенно глубоко ощущает отсутствие самого насущного в жизни: любви, которая одна только может обогатить человеческую душу, и вне которой большинство женщин превратились попросту в механически отправляющих свои обязанности профессионалов.

Всякое движение, ставящее своей целью разрушение существующего строя и замену его чем либо более передовым и совершенным, насчитывает изрядное число партизан, которые, в теории, защищают наиболее радикальные идеи, но на практике, в повседневной жизни, недалеко ушли от средневекового филистера, стараются прослыть почтенными и «респектабельны-

право — право любить и быть любимой. Если частичной эмансипации суждено претвориться в окончательное и полное раскрепощение, то это может произойти лишь при том условии, если мы покончим, раз навсегда, с этим нелепым представлением, согласно которому быть любимой, быть возлюбленной и матерью, есть синоним рабства и подчинения. Необходимо отрешиться, наконец, от этой абсурдной идеи дуализма полов, гласящей, что мужчина и женщина представляют собой, будто бы, два враждебных антагонистических мира.

Скупость гонит врозь, щедрость об'единяет... будем же щедры и великодушны. Ибо разумное понимание отношений между полами не допускает ни победителей, ни побежденных. Оно признает только одно: отдавать себя безгранично и полно для того, чтобы впоследствии снова обрести себя обогащенной, более зрелой и совершенной. Это одно может заполнить создавшуюся пустоту и претворить трагедию женской эмансипации в запредельную и необ'ятную Радость...

Эмма Гольдман.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

НА РАСПУТЬИ.

(Статья вторая).

В первой статье я коснулся, хотя и бегло, истории анархического учения и движения, его прогресса, стояния на мертвой точке и регресса. Указал некоторые причины этому явлению и выдвинул, по моему мнению, более важные и основные вопросы, которые подлежат серьезному обсуждению и которые могут изменить к лучшему анархическое движение. В данной статье, не ожидая дольше, пока выскажутся другие по затронутым вопросам, я высказываю свое мнение по организационному вопросу, как главному. Без организованного, совокупного, согласованного, продуманного и планированного действия ни фабрика, ни завод, ни железная дорога, и ничто другое не может быть построено. Не может быть построен и новый социальный строй без организации, в которую бы входили, как настоящие члены, миллионы душ. Ведь для борьбы (эволюционно или революционно) за ту или иную идею, за новый социальный строй нужно иметь большинство населения, симпатизирующего этому движению. Без этого большинства, даже если бы и удалось, скажем, революционным путем свергнуть буржуазный строй, все же нельзя было бы претворить в дело свободное общество, т. е. удержать безвластный социальный строй, не прибегая к насилию, к штыкам, чтобы заставить большинство населения повиноваться такому порядку, а это уже не назовешь свободным обществом, а диктатурой если не личности, как Сталин, Гитлер, Муссолини и иже с ними, то меньшинства над большинством, что гораздо хуже, чем большинства над меньшинством, что можно заключить из определения автора статьи А. А. С. «Анархисты и анархизм» в «Пробуждении», ном. 92—93, где говорится: «Каким образом возможно существование людей, называющих себя анархистами и в то же время вступающих в партию или пытающихся организовать анархическую партию, хотя и замаскированную разными названиями?». А дальше делается определение. «Анархизм есть учение, отрицающее всякую власть над человеком. Партия есть организация, основанная на власти большинства, на власти центрального комитета, на партийной дисциплине и ставящая своей целью завоевание власти для дальнейшего властвования».

И вот читая такую философию, естественно напрашивается вопрос, — если А. А. С. или вообще анархисты не признают никакой организации под каким бы то ни было названием, не признают и прав большинства руководить и решать чем бы то ни было и чего бы то ни было, то что может получиться в бесвластном и безденежном обществе, когда меньшинство (не говоря уже о большинстве) не захочет признать подобного порядка вещей, а будет проводить в жизнь то, что этому меньшинству нравится? Ну, скажем, это меньшин-

ство будет предпочитать анархизму монархизм. Позволят ли ему устраивать государство в государстве? Или в одном и том же городе люди разных политических взглядов будут иметь свои социальные системы? Или же анархисты будут ожидать пока все население той или иной страны не станет анархистами.

В подобном случае анархисты уподобляют себя монахам или фанатичной религиозной секте, мечтающей о царствии небесном. А раз так, то и Моравский был прав, когда говорил, что анархизм мистичен, духовен, непостижимый идеал. Прав будет и Туган Барановский, утверждающий, что «Утопия — это идеал. Всякий идеал содержит в себе нечто неосуществимое, безконечно далекое и недоступное, мечту, некоторое присущее нашей духовной природе, стремление выйти из пределов возможного, подняться над миром явлений. Осуществленный или что то же, осуществимый, идеал потерял бы всю красоту, всю свою особую и чарующую, притягательную силу, ибо в проитвном случае, это не был бы идеал, а просто эмпирическое понятие».

Но и этого мало! Если мы не согласны и с большинством, то это еще не значит, что мы не обязаны считаться с этим большинством. Напр., американский народ, в 1932 г. подавляющим большинством избрал Рузвельта президентом. Гуверу, получившему меньшинство, пришлось без всякого сопротивления уступить свое место Рузвельту. Но если стать на точку зрения А. А. С., то он этого не должен был делать, т. е. признавать власть большинства, ибо это «насилие» со стороны большинства устранить старую власть, а на «насилие» нужно было бы ответить насилием, т. е. защищать свою власть с оружием в руках, начать междоусобицу, гражданскую войну. Ну, а если бы это случилось, то кто из борющихся был бы прав, большинство или меньшинство? И вот, благодаря такому ложному мировоззрению у многих анархистов и получается то, что у нас нет ни организованности, ни почвы под ногами, а есть только пустая мечта. Но об этом еще кое-что скажу ниже, а сейчас вернусь к начальной теме данной статьи.

Итак, хотя наши идеалисты против всякой организации под каким бы то ни было названием, я все же остаюсь при своем мнении, что без организации ничего мы не добьемся, без организации, каждый по себе, мы можем только мечтать, но не творить. Нам нужно свободное, практическое общество, а не мистическое! Нам нужно, прежде всего, политическое и экономическое равенство, а не духовное.

Итак, чтобы привлечь симпатии большинства народа на сторону свободного общества, нужно иметь сильную организацию, которая и ознакомила бы население с этой идеей. Организация еще важна и нужна и по следующим соображениям: она дает возможность взвешивать силы как физические, так и материальные и моральные. Например, мы предполагаем, что в среде, скажем, русской колонии имеется тысяча душ сторонников безвластного строя, но утверждать и доказать, что действительно эта тысяча есть, не можем, ибо у нас нет такого афкта как организация, подтверждающая этот афкт. С материальной стороны то же самое. Чтобы ознакомить население с нашей идеей, нужно иметь печатный орган, литературу, а для того, чтобы все это иметь, нужны определенные средства. При организации все это на лицо. В тысячу, скажем, человек организация, в которой каждый член вносит маленький членский взнос, ну, 25 сентов в месяц, имеет известный и определенный приход в 250 дол. в месяц.А если организация в 10.000 членов — 2,500 дол. в месяц. И в этом случае люди, входящие в эту организацию, знают, что они могут предпринять. Кроме этого и побочные, косвенные приходы легко определить, будет-ли это от предприятий или от самообложения. Напр.: нам, скажем, нужно собрать на что-то важное и необходимое 500 долларов. Зная же, что у нас в организации 1000 членов, мы облагаем себя по 50 сентов. Скажут мне, ну, а если кто не может внести этих 50 сент, что тогда? Ничего. Но если на 100 человек-членов окажется 50 неимущих или просто не пожелавших давать, то несомненно

найдется других 50 членов, которые вне-сут по доллару. Вот те доводы, говорящие в пользу организации даже у безвластников. Но есть-ли у безвластников, в полном смысле слова, организованность, т. е. организация, которая бы об'единяла не только действительных и активных всех безвластников, но и симпатизирующих таковым независимо к какому классу кто принадлежит — верующих в бога или не верующих? Нет. Есть только группки и секты, всегда спорящие между собою и ничего положительного не достигающие. А что это так, то тому есть много примеров и фактов. Безвластники не могут до сих пор создать крупной организации потому, что слишком много увлекаются индивидуальной свободой, не только носящей личный характер, которая, конечно, неот'емлема для каждого человека, как, напр., что кушать, читать, писать, говорить, носить по своему вкусу одежду и т. д., но и в тех случаях, где свобода личности частично ограничивается ради свободы других, как, например, в общем, групповом строительстве, решении и т. д.

Нельзя, напр., построить фабрику когда при строительстве принимают участие сотни или тысячи людей, не прийдя к соглашению как ее строить, а это уже ограничивает личную свободу действия и желания. Нельзя решить вопроса, касающегося многих индивидов, а тем паче целых народов, сотен миллионов людей, не прийдя к какому либо общему соглашению, и в этом случае личное желание, личное действие ограничивается.

Индивид, сидя в своей квартире, возле радио, может слушать только то, что ему нравится. Не нравится—он может закрыть аппарат. Другое дело, когда этот индивид пойдет в общественное помещение, театр, на концерт, лекцию и т. д. Здесь уже должен принимать и то, что и не нравится ему, если только он захочет досидеть до конца. Стало быть, защищая свободу личности, нужно знать, что эта свобода ограничивается ради свободы других.

Но, ведь не ради только что указанной свободы должна вестись борьба, а главным образом ради политического и экономического равенства для всех людей, а об этом, как мне кажется, мало и говорится. Но так или иначе, мы все же должны считаться и с мнением других и с постановлением большинства. В рядах безвластников как раз и происходит то, что ни с мнением, ни с постановлением большинства не хотят считаться, а в итоге и пара десятков человек не могут ужиться и работать в одной организации. Примеров, фактов этому много. При решении того или иного вопроса, естественно, высказываются разные взгляды, но так как при групповом решении вопросов, как бы индивид ни ценил своего мнения, он понимает, что двадцать человек с разными мнениями не могут решить вопрос в двадцати видах, а посему волей-неволей мнения классифицируются и составляют две, реже три груупы и всегда не равные по количеству; получается большинство (часто даже незначительное) и меньшинство. И когда это меньшинство не хочет считать себя побежденным, отходит и создает новую группировку, «организацию» и т. д. вплоть до деления на составные части, т. е. каждый индивид сам по себе, отчего анархическое движение и не представляет одной солидной организации, как мы наблюдаем в других политических течениях, а отсюда и наше безсилие проводить в жизнь наши идеалы.

Бесвластники вместо того, чтобы иметь свою организацию и призывать в свои ряды других, искать себе союзников для достижения своей цели, всегда ищут к кому бы присоединиться из борющихся между собою другим течениям, т. е. выбирают, как говорят, меньшее зло из двух, хотя зло всегда остается злом.

Еще немалым препятствием в создании сильной организации бесвластников служит и то, что последние преувеличивают свой страх перед так называемой, централкой и руководителями. Стоит только кому либо из более талантливых и энергичных лиц выдвинуться в первые ряды, как на него уже посматривают с недоверием, боязнью, а иногда и просто с завистью и стараются осадить его — оклеветать и ди-

…тировать. Такое отношение сочленов к передовым убивает у последних всякое желание работать в таком движении, чему … примеров также.

Мне кажется, что талантливых и энергичных нечего бояться, а наоборот, должны приветствовать и ценить, что их поощряет на дальнейшую и самоотверженную деятельность. Подобное отношение к таким … будет моральной наградой для них. Другой награды, материальной, бесвласт… … обещать не могут.

Руководители, а к тому еще хорошие, столько же нужны в политических и общественных делах, как руководители, директора и управляющие на фабриках, мастерских, железных дорогах и т. д. Без центральных также не обойтись. Централки, ведь, не все одинаковы. Одни диктуют свою волю всем, а другие могут быть только связующим звеном, центром куда сходятся все … общественной жизни, т. е. исполнительным органом, выполняющим волю и постановление народа, волю тех, которые выбрали их на подобную работу.

Вот все или некоторые выводы в пользу организации и те, которые мешают созданию организации.

Писать тезисы, или вообще теории свободного общества, нам не требуется, все … есть, нужно только кое-что добавить, а устарелое изменить, подогнать к современности. Но этим сможет заняться сама организация, наше же дело — создать организацию, а вместе с тем и международную федерацию из этих организаций. Для всей этой работы я предлагаю следующий план действия:

В каждой стране, а в первую очередь в Америке, где возможно существование подобной организации легально, нужно немедленно созывать с'езды из сторонников свободного общества. Я предлагаю наименовать организацию Союз Равенства и Братства или вроде этого, а потом создать под таким же названием федерацию. В каждой стране может быть одна подобная организация с отделами, конечно, в каждом городе. Притом, если в той или иной стране имеются люди другой или других национальностей, желающие вести культурно-просветительную работу на своем языке, то они могут быть выделены в особые отделы, а потом об'единены в особую секцию, входящую, конечно, в Союз всей страны. Но вся работа как политическая, экономическая и организационная ведется сообща, т. е. основной организацией — Союзом и на том языке, в какой стране находится этот союз. Напр., в Америке на английском, в России — на русском и т.д.

В странах, где невозможно легальное существование подобных союзов, конечно, придется работать в подполье. После же того, когда начнут существовать подобные союзы во многих странах, будет созван международный с'езд этих союзов, где и будет положено начало международной федерации этих союзов.

Ф. Черновец.

ПИСЬМА С КУБЫ Е. З. ДОЛИНИНА-МОРАВСКОГО (1924 Г.).

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Гавана, 18 июня.

Дорогой М. И.,

Получил Ваше письмо от 14 июня. Буду отвечать Вам в порядке Вашего письма.

Очень сожалею, прежде всего, что выступление московских товарищей произвело на американцев такое тяжелое впечатление. Я лично считаю все это пустяками и не придаю этому большого значения. Пусть выступают с подобными заявлениями кто угодно: наши идеи останутся теми же идеями. Написали они — и Бог с ними. А нам то чего отчаиваться? Если многие протестуют против статей А. К., можете их и не печатать некоторое время. А дальше будет видно.

Протест Берлинской группы меня ужасно возмущает. Им следует молчать. Впрочем, меня возмущает больше всего то, что они не напечатали свой хлам в своем журнале, в майском номере. Они могли это

сделать. Об этом я писал вчера Комову. И Вы совершили большую ошибку, напечатав их произведение. Придется исправлять эту ошибку. Остальные резолюции не спешите печатать. Что же касается резолюции филадельфийцев, то за это клеветническое произведение их можно было бы привлечь к ответственности, но не стоит связываться с этой публикой. Уйдет от вас? И хорошо сделает. Такие организации нам не нужны

Ответ на мою статью Волина еще раз подтверждает то, что он — лгун, клеветник и болтун. Придется после этого послать его к черту. Вы получили от меня статью, а он убеждает Вас, что она прислали из Москвы. Ну, что это за идиотство? Я развенчал его величие? Мне это и нужно было. Не могу терпеть болтунов. Радует меня также и то, что он не знает, кто написал эту статью. Каким образом в «слабеньком» журнальчике могла появиться подобная вещь.?

О книге Н. А. Бердяева я напишу, конечно. Его я лично знал когда то.

О еврейском вопросе писать пока не буду. Очень сложная история. Боюсь, чтобы Вас и меня не назвали антисемитами; есть ведь такие люди, которые обвиняют в антисемитизме того, кто не является защитником евреев. А я—не защитник и не обвинитель. Я совершенно об'ективен в этом вопросе. Если мне удастся переехать, я напишу об этом вопросе большую статью, которую можно будет издать отдельной брошюрой. Это будет лучше. То, что газету называют антисемитской, не придавайте этому большого значения. Не защищаете их — антисемиты. Все это чепуха, конечно.

Не думайте, что антисемитизм развивается только в Америке. Он развивается в России, даже в самой большевицкой партии. Но тут виноваты отчасти сами евреи. Если буду писать об этом разберу этот вопрос совершенно детально.

Буду, конечно, очень рад, если удастся перебраться в Канаду. Оттуда будет легче перебраться и к Вам. Канадцы пишут, что за дело взялся адвокат и уверяет их, что пропуск получит. Не знаю, чем кончится дело. В Детройт я писал. Там тоже стараются.

Статью о президентских выборах написал бы, да у меня маловато материала. Наряду с этим я, откровенно говоря, мало интересовался этим вопросом.

Не назовут ли филадельфийцы и статью о международном суде меньшевистской и антисемитской?

С братским привеом Е. Д.

Письмо десятое.

Дорогой М. И.,

Вчера я писал Вам, что не стоит, пожалуй, связываться с филадельфийцами. Но, после некоторых размышлений, я пришел к заключению, что, если только не дать им должный отпор, они напишут произведение и более мерзкое и отвратительное. Эту резолюцию я считаю их провокационным выступлением. Я не знаю положения вещей, но предполагаю, что там имеются большевистские агенты, задавшиеся целью войти в движение и вести в нем отвратительную работу. В России это было.

Необходимо открыто бороться с этой язвой. Необходимо всем нашим организациям осудить это выступление и потребовать у них извинения перед оскорбленными товарищами и редакцией «А.П.». В противном случае (если организации не выступят в защиту своей чести, а также и в защиту этих товарищей), я больше чем уверен, что дело дойдет до суда. Нельзя же, в конце концов, злоупотреблять терпением. Эти люди сознательно ведут подобную работу. Их надо изгонять безжалостно из нашего движения и освещать их работу в печати.

Дегенераты, собиратели пасквилей, проходимцы, дезорганизаторы, большевистские жирондисты. Как Вам это нравится? Разве можно простить этих негодяев за подобные вещи. И все это они говорят о Солоновиче, П. (его я не знаю, к сожалению) и Е. З. Можно не соглашаться с Солоновичем, но нельзя же называть его

подобными именами.

Да это — большевистская провокационная работа, ибо наши единомышленники (даже враги) не могли бы написать подобных вещей.

Необходимо этот вопрос поставить на обсуждение в организациях и изгнать их из наших рядов, назвав их их же собственными именами.

Таково моё мнение.

Ваш Е. Д.

Письмо одиннадцатое.

4 июля, 1924 г.

Прочел книгу Бердяева. Книга очень злая и опасная. Но прочесть ее необходимо нашим товарищам. Это более серьезная критика анархизма, нежели критика разных политических болтунов. Было бы очень хорошо, если бы кто либо из Вас написал возражение Бердяеву хотя бы на ту часть книги, где речь идет об анархизме. Мне лично очень хотелось бы прочесть «чужое» возражение. Что касается меня, то я думаю написать общий разбор этой книги, когда у меня будут более подходящие для этого условия... Если окажется кто либо написать это возражение, сообщите, пожалуйста, мне об этом.

Кстати, неужели наш Берлинский теоретик не написал об этом ничего? Он ведь — певец разрушения, а Бердяев и восстает больше всего против разрушения. Не стоит ли Вам попросить его об этом? Что он скажет на это?

Из Москвы предлагают статьи по гигиене и медицине. Нужны ли они для газеты?

Если статьи А. Карелина не будут печататься, перешлите их в «Гол. Труда», в Аргентину. Впрочем, запросите сначала аргентинцев об этом. Быть может и они не захотят печатать.

Ваш Е. Д.

В последнем номере журнала имеется блестящая статья Автономова. Но она вероятно не понравится нашему об'единенному анархисту. Хороша также и передовица. Было бы лучше, конечно, если бы передовицы писались на более общие темы.

Письмо двенадцатое.

12 июля, 1924 г.

Дорогой М. И.,

Получил Ваше письмо (с вырезкой из «Н.М.») и письмо Ком. Ответ я напишу, конечно, этому большевику и думаю, что этот ответ ему еще больше не понравится.

Мою статью Вы, вероятно, уже получили, но эта статья не понравится, вероятно, нашим берлинцам. Я называю их мещанами и плебеями духа. Они найдут, вероятно, в этом оскорбление и... напишут протест. Но пусть пишут. Они специалисты в этой области. Очень досадно, что арестован Конее. Хотя я и не знал его лично, но мне рассказывали, что это очень симпатичный товарищ. Нового нет ничего. О делах я писал уже.

Ваш Е. Д.

Ответ Бердяеву написать надо, конечно. Но у меня сейчас такие плохие условия, что я сейчас не в состоянии написать. За это дело возьмусь тогда, если перекочую к Вам.

Письмо тринадцатое

24 июля 1924 г.

Дорогой М. И.,

Сегодня получил от Вас два письма (от 23 и 24 июля). Очень сожалею, что Вы не сообщили мне раньше своего мнения о моей статье. Я ведь не знаю положения дел, не знаю настроения американских товарищей. Если бы я знал все более подробно, я мог бы не писать ничего о Карелине, а если бы и написал, то написал бы в другом духе. Впрочем, все это можно было и выбросить из статьи, если бы Вы сообщили мне об этом раньше. Я не принадлежу к числу тех литераторов, которые не допускают никакого изменения их работ. Не признаю я только исправлений.

Такой статьи о Ленине, какую Вы прислали мне, я не читал нигде. Такой мерзости нет, кажется, даже и у самих большевиков. С одной стороны, ее не стоило печатать; с другой же стороны, это, пожалуй, и необходимо. Пусть наши товарищи

посмотрят, до какой низости могут дойти иногда люди. Говоря между нами, я не верю в искренность этой статьи. Не верю также и тому, что этот доктор философии является анархистом. Это, по моему, ложь. Здесь имеется нечто другое.

Что же касается наших берлинцев, то их молчание меня тоже несколько смущает, если эта статья была давно уже напечатана, если она им известна. Ведь почти все они—евреи и нельзя допустить мысли, что они не читают эту газету. Впрочем, они, быть может, еще напишут что нибудь. Если же ничего не напишут, тогда они окажутся не анархистами, а самыми обыкновенными евреями, хотя мне и не хотелось бы видеть их таковыми.

Статья «Могильщики России» написана варварским языком; я это знаю. В течении всей моей жизни я ни с одним человеком не разговаривал так. Такие разговоры не допускает мое воспитание и мое положение, но с этой мерзостью нельзя иначе разговаривать. И когда я читаю иногда в «А.П.» резкие ответы большевикам наших товарищей, все это кажется мне чем то не серьезным. С ними надо разговаривать иначе. Их называют даже господами. Но разве это господа? Я мог бы написать ответ и более подробный, и более злой, но моя статья оказалась и без того очень большой. До конца дней моей жизни я буду вести с ними борьбу. Если бы Вы были в России, если бы Вы видели подлинный большевизм, тогда и Вы убедились бы в том, что это не социализм, а сатанизм. Капитализм в сравнении с большевизмом сравнительно малое зло.

Ваш Е. Д.

Письмо четырнадцатое

6 августа.

Дорогой М. Н.,

Сегодня выслал Вам ответ Волину; напечатав его, прекратите печатание всяких статей по этому вопросу; вопрос, кажется, выяснен основательно.

Последний номер журнала мне нравится. Передовица — хорошая, только несколько не обработанная в стилистическом отношении; не обработано также стихотворение «Девятнадцатый раз». Никуда не годятся только «Записи тюремные». Будучи на вашем месте я не печатал бы ни в журнале, ни в газете произведений всех этих берлинцев. Затем еще одна вещь: стоит ли печатать «Бюллетени» в журнале, раз они печатаются в газете?

В последнем номере газеты мне очень понравилась статья В. П. Как хорошо он отчитал Волина! Я даже искренне смеялся при этом. Еще два слова. Не советую печатать даже в газете берлинскую междоусобную ругань. К чему все это? Они ругаются, а Вы печатаете в своей газете эту ругань. Пусть они переносят ее в «А.В.» или хотя бы на страницы... «Ф. А. Ш.» Впрочем, это нас не касается: пусть печатают где хотят.

Вообще мне думается, что с ними надо ликвидировать всякие взаимоотношения. Нечего думать о том, что эти отношения могут наладиться. Ведь Волину хочется быть царем (или Андерсеновским королем, о котором я писал). И пока люди еще не признают таковым, он будет недоволен чем то и будет вечно обвинять других.

У Вас на складе есть книга Данилевского «Россия и Европа» и сочинения Козьмы Пруткова. Если книги имеются по одному экземпляру, не продавайте их пока. Эти издания трудно найти (если это не новые издания) и мне хотелось бы еще раз просмотреть Данилевского. А Пруткова я вообще люблю. Но все это и не высылайте мне пока. Книжный магазин Ваш действительно хороший.

Письмо пятнадцатое.

8 августа.

Дорогой М. Н.,

Это для меня новость, что между Мексикой и большевиками заключены какие-то конвенции о выдаче преступников (думаю, что речь идет о политических). О Мексике я тоже пока думаю.

Что касается моего ответа большевикам, то я так и думал, что найдутся люди, которые назовут этот ответ антисемитским. Странные все эти люди! Они хотят, повидимому,

...ы, чтобы все мы думали по нхнему, ...бы все мы защищали евреев. Каждый ...ас может иметь, почему то, свое мнение о румынах, греках, индусах, египтянах, китайцах; каждый из нас может ...ывать о них какие угодно мысли и эти ...национальные» товарищи ничего не будут говорить об этом. Но когда речь идет ...евреях, надо йепременно защищать их ...и же совсем не разгваривать о них. ...ная логика!

Все это я считаю только продуктом ...ровечества. Думаю, что даже всякий ...тельный еврей будет смеяться над такими защитниками еврейства. Каждая на...я имеет свои недостатки. Я ведь русский человек, но я не боюсь высказывать ...и мысли о недостатках русского народа. Высказываюсь я свободно о каждой нации, о каждой культуре. И если эти недостатки есть и у еврейского народа, почему о них необходимо умалчивать?

Правда, еврейский вопрос меня мало ...ресует, но если бы писал об этом вопросе, я не боялся бы высказать свое мнение и о недостатках этого народа. Мы ведь ...ркисты. Мы должны мыслить свободно. ...даже удивляюсь находятся люди, желающие навязать всем остальным товарищам ...ои мысли и свои суждения. У нас, в ...ссии, нет таких товарищей.

Если они называют других антисемитами, тогда и их необходимо называть ...офилами и обвинять их в какм то ...ейском национализме и т. д. Но ведь ...то из вас не станет этого делать.

И товарищи совершенно правильно поступили, если осмеяли этого «принципиа...ника». Иначе к ним и нельзя относить-

Ваш, Е. Д.

Письмо шестнадцатое.

12 августа.

...рогой М. П.,

Ужасно досадно, что в Аргентине та...е положение вещей. Хотя там и находится Горелик, но он, повидимому, не в ...остоянии наладить там работу. Впрочем, ...ное и быть не может. Горелик человек слабый. Но от учителей и нельзя требовать большего. Кроме своей специальности, они, в большинстве случаев, не знают ничего. И я думаю, что было бы, пожалуй, хорошо, если бы туда переехал Худолей. Он наверное сумел бы там наладить работу. Он — человек знающий и серьезный. Не знаю, право, как это люди могут попасть под влияние Волина. Более пустого человека я еще никогда не встречал. И я очень рад, конечно, что наши американские товарищи остались самими собою и не призвали Волина володеть и управлять ими. Потому то они и не нравятся Волину.

Наши позиции нам надо укреплять всюду. Нечего бояться войны, хотя мы и ведем ее на всех фронтах.

Вы пишите, что у вас большевизм более силен среди различных мелких национальностей. Это же наблюдается и за океаном. Литовцы и белоруссы сочувствуют несколько большевизму. Но это об'ясняется, конечно, их некультурностью (тут прав Россель). Почти все русские евреи тоже сочувствуют большевизму, но это об'ясняется тем, что эта нация была раньше в России гонимой и безправной. Сейчас же положение вещей изменилось: эта нация— привилегированная. В этом нет никаких преувеличений. Возьмите, например, школы и Вы увидите, что в России существует фактически (а не юридически) процентная норма даля русских. Так, например, на медицинских факультетах московских университетов имеется 70 проц. евреев. В Коммерческом Институте 3 проц. русских. Большевики действительно освободили евреев. Отсюда и вытекает их сочувствие большевизму.

Только поляки и латыши совсем не признают большевизм. С латышами я сам разговаривал когда был в Риге. В Польше я не был уже 12 лет, но я знаю, какие там настроения. Мои родные живут там все время и знают положение вещей. Они и пишут мне, что для всякого поляка большевик и чорт — одно и то же.

Ваш, Е. Д.

Письмо семнадцатое.

14 августа.

В Вашем последнем письме Вы мне писали, что надо поддержать в литературном отношении аргентинскую газету. Я тоже склонен был так думать. Помнится, что когда я был в России, я посылал им иногда кое что. Это же делали и Карелин, и Худолей, и Хархардин.

Но вот я получил 215 номер этой газеты. И должен Вам сказать, что этот номер произвел на меня какое то плохое впечатление. Из этого номера я узнал, что аргентинцы и раньше относились совсем не по товарищески к нашей Московской организации. Они всегда, оказывается, были плохого мнения о ней. И их мнение относится не к отдельным лицам, а к целой организации. Оно относится, конечно, и ко мне, ибо я был организатором этой федерации и до сих пор считаю себя ее членом.

Весь номер этой газеты занят разными протестами против москвичей. Мое отношение к их выступлению Вам известно: я не оправдываю их. Но я ведь очень хорошо знаю этих товарищей, со многими из них (особенно с Карелиным, Солоновичем) я связан многими узами, и должен Вам сказать, что они не заслуживают подобного отношения к ним. Они совершили ошибку Но когда разные берлинские болтуны, пользуясь этим случаем, сводят свои личные счеты, а эта редакция поддерживает их, у меня появляется какая то антипатия к этой газете.

Ваш, Е. Д.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дорогие товарищи!

Не откажите, пожалуйста, поместить на страницах «Рабочей Мысли» прилагаемое открытое письмо, к Балтиморскому союзу ввиду полученного отказа от Ред. «Голос Труда».

С тов. приветом

Р. Эрманд.

Открытое письмо Союзу Русских Рабочих гор. Балтиморы.

При прочтении в номере 101 «Г.Т.» резолюции Балтиморского Союза, я думаю, что не только для меня лично, а также и для всех мало мальски могущих думать самостоятельно товарищей и рабочих, возникнет вопрос. Неужели эта «резолюция» могла быть написана рабочей организацией, стремящейся всеми своими силами к уничтожению существующего строя? Этому печальному явлению просто не хотелось бы верить, но это факт. Эта тлетворная своим дыханием, резолюция Союза гор. Балтиморы представляет собою полнейший набор глупостей и мерзостных похождений против другой рабочей же организации, Нью Иоркского Союза, и издаваемых им революционных брошюр и журнала.

Я не знаю: чем руководились члены вышеназванного Союза, которые БОЛЬШИНСТВОМ (!!!) «голосов» вынесли свою знаменитую резолюцию. Казалось-бы, что в настоящий момент, когда черная реакция все шире и шире распространяет свои кровавые когти; когда уже виден в предсмертной агонии последний луч Американской свободы и, не сегодня, то завтра вся страна будет задушена в об'ятиях реакционно-деспотического капитализма, перед которым бледнеет даже деспотизм Николая Кровавого, мы, революционеры должны приложить все свои усилия для воплощения в жизнь нашего анархического идеала. Одним словом, должны делать то, что мы должны делать: вести каждый по своим более или менее высшим интеллектуальным (умственным) способностям самую усиленную пропаганду наших идей, которые в сущности являются одним из важнейших факторов реальной эмансипации всего человечества (полного освобождения).

Наша устная и печатная пропаганда является абсолютно бессмертной, как в физическом, так и моральном мире. Поэтому, эти семена нашей пропаганды, мы должны увеличивать, до полного апогея нашей возможности, так как они вырастают слишком быстро, расцветают полными жизни, прекрасными цветами и приносят наконец обильные плоды. Таким образом я с уверенностью могу сказать, что такие

организации, которые категорически заявляют, чтобы прекратить высылку в организацию КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО (Курсив мой. Эр.) брошюр, журналов, писем, обращений и т. д., являются самыми безжизненными и полными опортунистического духа (стремление прислуживаться). Ведь не может быть более позорного явления, а тем более, в области анархического движения! Неужели мы должны с мелочами считаться, а большим пренебрегать? Неужели мы должны, при самом возрождении революционного печатного слова, копать перед ним яму подобными резолюциями и библиографиями?

Ни одно существо в мире органическое или неорганическое, при своем возрождении, при своей примитивной форме не может иметь своего натурального вида. Как бы можно назвать того человека, который увидев только что родившееся дитя, начал бы ему кричать: почему ты не ходишь?

Если Нью Иоркский Союз выступил из федерации, то это еще не значит, что он уклонился от своего миросозерцания, напротив, он теперь еще более работает в этом направлении, чем будучи в федерации. И кто знает: быть может когда нибудь из федерации выступят и многие союзы по тем или иным причинам, то разве должен быть между нами такой антагонизм: (нетерпимость).

Если организация изменила нашим идеям, только тогда мы должны не иметь ничего общего с нею. Но когда она идет рука об руку с нами к достижению наших идеалов (хотя и вне федерации), то мы должны помочь ей в ее просветительной работе распространением ее революционных брошюр и журналов. Но о писании таких резолюций мне приходится сказать одно: это гнусно и подло и не допустимо в наших рядах.

Р. Эрманд—Е. З. Долинин.

Номер 3. «Рабочая Мысль»,
Октябрь, 1916 года.

THE MARCUS GRAHAM'S CASE

LOS ANGELES, California. — Marcus Graham, editor of the philosophical-anarchist publication "Man" was sentenced to six months imprisonment for a second time on June 26, 1939 when he again refused to testify against himself in the Labor Department's attempt to deport him.

When Graham was sentenced the first time on Jan. 14, 1938 upon the charge of criminal contempt, filed against him by the United States Attorney's office, Federal Judge Leon R. Yankwich ruled that the legality of the immigration proceeding could not be raised on contempt charges, and could be brought to issue only upon the filing of Writ of Habeas Corpus. Such a Writ was filed in behalf of Graham by the Southern California Branch of the American Civil Liberties Union, through counsel A. L. Wirin and Leo Stanton. Among other issues the petition sought to secure a reversal of a United States Supreme Court decision in 1904, which held that an anarchist, whether he belived in peaceful or violent opposition to government, was equally deportable under the immigration laws. The contention was made that this reactionary position against freedom of speech has been set aside by more recent and more liberal decisions of the Supreme Court..

Through the Petition for Habeas Corpus it was sought to obtain a square decision on the merits of the charges that the immigration authorities are guilty of "the Lawless inforcement of the Law", and that their conduct in arresting and re-aresting Graham on the same warrant for a period of over 20 years violates due process of Law, and freedom of speech.

Judge Yankwich refused to hear the Petition and Judge Ralph E. Jenny set it for a Hearing on June 27, 1939. When the Contempt chrge was called before Judge Yankwich on June 26 counsel A. L. Wirin moved that it be transferred to Judge Jenny since the latter was to conduct the Habeas Corpus proceedings the

following day. This fair request was denied. Counsel then asked that Judge Yankwich disqualify himself upon the ground of prejudice. Angrily granting the request and ordering that the hearing be immediately heard by another Federal Judge, Judge Yankwich denounced the Marcus Graham Freedom of the Press Committee, declareng that any other Judge would jail on contempt charges every member as result of the letter he had recently received from them, and which read in part:

"Your first sentencing of Graham has aroused unanimous condemation with all the liberal elements of this conutry, as well as throughout Europe. Your refusal to hear the Writ for an Habeas Corpus will no doubt arouse even more vehement resentment — since by doing so you have "muffed" another "great opportunity to correct a monumental wrong...".

The Contempt case was immediately re-assigned and heard before Judge Harry A. Hollzer, court attaches of Judge Yankwich staying in Judge Hollzer's court throughout the proceedings to make sure that Graham got "justice in full measure". A motion by consel A. L. Wirin that both cases be heard by Judge Jenny so that real issue should finally be determined was denied. So was a motion to postpone the Contempt hearing until after the Habeas Corpus is acted upon.

As the immigrantion inspector read the questions Judge Hollzer passed upon their incriminating nature. Counsel Lee Stanton objected to all questions as incriminating. Court was recessed for 30 minutes as the Judge ordered Graham to answer the approved questions before a special immigrations hearing. At that hearing Graham, instead of answering the questions put to him, placed on record a detached narrative that outlines the ordeals he has been subjected to for more than 20 years. Appearing again before Judge Hollzer, Graham was declared in contempt of court and sentenced to six months imprisonment without being allowed to speak.

Oral notice of appeal against the sentence was made and appeal bond was set at $1.000. After spending several days at the Federal Island Terminal Jail Graham was released as Mrs. Kate-Grane Gartz, national member of the American Civil Liberties Union, furnished the required bond — as she has done on three previous occasions.

When the Hearing upon the Writ of Habeas Corpus was called before Judge Jenny on the following day — June 27 — he denied the Writ upon the ground that it was returnable against the head of the local Immigration Department and Graham — having been sentenced for contempt of court is no longer in their custody. It thus became quite obvious as to the reason of the great concern by the authorities in having Graham sentenced on the day previous.

The Marcus Graham Freedom of the Press Committee calls upon every editor who realizes the lawless application of the law in this case to make this widely known and also pass upon it editorial comment. The committee also calls upon every liberty loving person to immediately write to the Secretary of Labor, Frances Perkins, Wash., D.C., requesting that all proceedings against Graham be dropped. It likewise urges the sending of requests to U. S. Attorney General Frank Murphy that he order an investigation ninto the lawless prosecution of Graham.

The Committee is sorely in need of funds to enable it to carry through the appeal before the Circuit Court. It therefore appeals to all individuals and organizations who belive in Freedom of Speach to contribute whatever this unusual case merits. All funds should be addressed to the Marcus Graham Freedom of the Press Committee, P. O. 971, Los Angeles, California.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 20 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 75 СЕНТОВ

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.